

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЭТИКИ В РОССИИ.

Аннотация: *Статья посвящена анализу процессов формирования хозяйственной этики в России. В статье проанализированы факторы, формирующие предпринимательскую этику в условиях социально-экономических трансформаций. Рассмотрены особенности религиозного сознания российских купцов и фабрикантов начала X-XX веков. Отмечены характерные различия предпринимательской этики российских и западноевропейских предпринимателей. Предпринимательская этика представлена как коммуникативное явление, формируемое посредством национального менталитета и религии.*

Abstract: *The article analyzes the processes of formation of economic ethics. The article analyzes the factors that shape business ethics in terms of socio-economic transformation. The peculiarities of religious consciousness of the Russian merchants and manufacturers of the Xth century. The marked characteristic differences of the business ethics of Russian and Western European entrepreneurs. Business ethics is presented as a communicative phenomenon, formed by the national mentality and religion.*

Ключевые слова: *экономический кризис, предпринимательская этика, русское купечество, религиозная этика, благотворительность, коммуникация, репутация, национальный менталитет, европейская культура, Реформация, протестантская этика.*

Key words: *the economic crisis, business ethics, Russian merchants, religious ethics, charity, communication, reputation, national mentality, European culture, the reformation, the Protestant ethic.*

Экономика любого общества в конечном итоге складывается из множества факторов, в том числе и внеэкономического характера, одним из которых является национальная экономическая ментальность как важный фактор мышления и поведения людей. Национальная экономическая ментальность трудноуловима, но она существенно влияет на характер развития экономики в той или иной стране.

Этика предпринимательской деятельности — это та область общественных отношений, где неразрывно сплетены в единое целое, экономика, религия, нравственность и национальный менталитет.

Еще в античности философы рассматривали накопление и обогащения с точки зрения этики. Так, у Платона в диалоге «Хармид» проводится мысль о том, что необходимо различать труд и занятие. Труд представляется тем, что делается прекрасно и с пользой. Противоположность труду — занятия: делячество и нажива. Труд направлен на свершение хороших дел и связан с таким качеством человека, как рассудительность. Платон устанавливает связь между повседневной активностью человека и его способностью различать добро и зло. Ведение дел, направленное исключительно на личное обогащение, уже на этапе зарождения представлений о нравственности рассматривалось как зло.

Между тем, в Новое время преобладающей стала традиция объяснения экономических процессов при помощи анализа социальных последствий религиозного сознания, которая была заложена М. Вебером в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Он был уверен, что формирование таких этических норм предпринимательского поведения как честность, трудолюбие, бережливость, расчетливость и др. находится в прямой связи с особенностями протестантской религиозности.

Протестанты, а особенно кальвинисты и пуритане, отличались большой строгостью жизни. Светские удовольствия презирались, роскошь изгонялась. Такой религиозный аскетизм выражался в трудолюбии и неприхотливости, а так же бережливости, которая зачастую доходила до крайности. Протестант был покорен воле Бога, который, наделяя своего слугу определенной степенью благополучия, указывал ему тот жизненный путь, по которому он должен безропотно идти. Вера в предопределение соединялась с верой в богоизбранность и убеждением, что главный признак праведности и угодности Богу — это материальное благополучие. В результате формировалось мировоззрение, которое постепенно сужало стремления протестанта, сводя их к жажде наживы, и желанию непременно разбогатеть.

Личными, сугубо индивидуальными успехами в хозяйственной деятельности, протестант пытался доказать свою личную, сугубо индивидуальную причастность к Благодати. В протестантизме и деньги и хозяйственный успех имели ценность сами по себе, так как доказывали безусловную «богоизбранность» их владельца.

По иному обстояло дело в нашей стране. Условия зарождения и развития предпринимательства в России значительно отличались от западноевропейских. Это объясняется как природно-географическими, так и историческими факторами [1, с. 9–26]. Находясь на крайнем северо-востоке Европы, Россия в меньшей степени, чем многие другие страны, испытала воздействие античных цивилизаций, где еще в древности институты частной собственности достигли высокого уровня развития. В менталитете русского человека ярче запечатлена ценность коллективных отношений, и соответственно коллективной, т.е. общественной собственности, так как в суровых условиях окружающей природы выживаемость коллектива была безусловно выше, нежели шансы отдельного его члена. «Социальность» русской модели хозяйства выразилась в том, что индивидуальной собственности отводилась вторичная роль. Это оказало существенное влияние на отношение к этому институту и наложило и на него нравственно-этический отпечаток. В сочетании с православными духовными установками это породило вошедшее в хозяйственную ментальность убеждение: «человек выше принципа собственности». Наша история сложилась так, что начавший складываться институт частной собственности был замещен слиянием власти и собственности.

Наиболее ярко хозяйственная ментальность допетровской Руси выражена в этике предпринимательства у старообрядцев – как наследников древнерусских хозяйственных традиций.

Религиозно-нравственная мотивация деловой деятельности у старообрядцев существенно отличалась от протестантской. Старообрядец, самоотверженно трудясь в организации предприятия, осуществлял подготовку личного душеспасения. Особенность такого труда на предпринимательском поприще объяснялась тем, что дело представляло собой исполнение христианского долга перед Богом и людьми. Не деньги как таковые, а именно люди, «мир», общество были мерилем успешности такого служения.

Успех дела не имел самостоятельной этической ценности, он имел смысл лишь тогда, когда результаты использовались для служения Богу и церкви.

Передача средств религиозной общине, благотворительность являлись главной нравственной целью старообрядческого предпринимательства. По мнению В. П. Рябушинского у православного человека нет «презрительного отношения к беднякам, которое появилось на Западе после Реформации». Протестантскую

благотворительность русский мыслитель называет формальной и бездушной и находит существенные отличия между предпринимателем православным и кальвинистом. Православные не смотрят на бедность, как на доказательство неугодности Богу. Представитель московского купечества, П. А. Бурыйшкин утверждал, что в России нет культа богатства, здесь не уважали и не любили ростовщиков и откупщиков (торговцев водкой), а также тех, кто наживался на неплатежах, то есть не возвращал кредиты.

Именно поэтому вплоть до начала XX века в России не существовало чисто русских банкирских домов. Причиной такого положения была библейская заповедь: «Иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост...» (*Втор. 23, 20*). Только в 1902 г. был основан отечественный банкирский дом «Братья Рябушинские».

Известно, что в начале прошлого века московское купечество, в частности Варвара Морозова, финансировало даже революционеров, полагая, что те добиваются справедливости. Другими словами трата денег на благие, общественно полезные деяния была делом обыденным и одобряемым в купеческой среде, тогда как любые проявления показной роскоши были настолько нехарактерны для купечества, и крайне отрицательно влияли на репутацию. Репутация же в данной социальной группе, в ситуации когда миллионные сделки заключались простым пожатием рук имела вполне материальное для делового человека выражение. Благотворительность была для отечественных богачей делом настолько привычным, что любое несоответствие этому правилу воспринималось, как вызов обществу. В основном купцы строили больницы, церкви, приюты и школы для бедняков

Даже беглый взгляд на благотворительную деятельность российского купечества позволяет сделать вывод о том, что нравственные основы предпринимательства в России подпитывались нормами традиционной культуры.

Репутация, легитимные образцы поведения передавались посредством трансляции в обществе норм и правил. Эти нормы и правила составляли своеобразный жизненный мир российских предпринимателей, содержательной частью которого, несомненно, являлась христианская, а точнее православная, старообрядческая этика.

Так как же на деятельность предпринимателей реагировала православная церковь, имевшая вторую по влиянию власть в государстве и игравшая основную роль в морально-нравственном климате общества?

Большинство исследователей придерживается мнения, что в православии, в отличие от протестантизма, высшие религиозные устремления реализуются в сферах

духа и ритуала, отделенных от повседневной мирской жизни. Соответственно, мирская деятельность человека не обретает сакрального смысла, оставаясь вне сферы высшей духовной регуляции.

Трудолюбие как добродетель православного верующего, в том числе и монаха, есть лишь один из аскетических средств внешнего самосовершенствования, в то время как суть религиозного спасения составляет все же служение духовное. Евангелие в православном понимании предлагает ясный принцип отношения человека к вещному миру: «мирские ценности», подчиненные духовным, в первую очередь, законам совести и любви, являются благом для человека. Однако став высшей целью, они превращаются во врага души. Такой порядок естественного подчинения материального духовному (а не подавления одного другим) устанавливается христианством в качестве непреложного закона человеческого существования.

Н. А. Бердяев эту мысль выразил в таких словах: «Тяжесть материи произошла от ложной направленности духа. Основное противоположение не духа и материи, а свободы и рабства» [2, с. 206]. Отсюда он делает и практический вывод: «Нужно не отрицать научные открытия техники, а духовно овладеть ими. Роковым последствием техники, подчиненной лишь собственному закону, порождающему технические мировые войны, является непомерное возрастание этатизма. Государство делается всемогущим, все более тоталитарным и не только в тоталитарных режимах, оно не хочет признавать никаких границ своей власти и рассматривает человека лишь как свое средство и орудие» [3, с. 303].

Утвердилась точка зрения, что помимо установок на честность, добросовестность и трудолюбие как универсальные ценности, православие не сформировало специфические хозяйственные и предпринимательские этики. Однако, по свидетельству русского религиозного философа и богослова С. Н. Булгакова – экономиста по образованию, в православии не отвергается социальная и профессиональная деятельность, а устанавливается особый образ аскетического приятия этого мира и его жизни, аскетического труда и творчества в нем» [4, с. 327]. Верности своему земному призванию, т. е. профессии, уделяется особое внимание: «Единственный способ обрести радость, мудрость и мир – это быть верным собственной личности, как неповторимому творению Божьему, зная, что каждый человек обладает своей особой и единственной жизнью, своей особой жизненной задачей, которую никто кроме него не может исполнить» [5, с. 259].

Запоздалые и краткие во временном отрезке истории политические, экономические и социальные условия для развития предпринимательства в России, особые по своей ментальности, не успели сформировать высшие нравственные стимулы экономической деятельности. Однако идея служения своим богатством делу милосердия и просвещения является существенной чертой менталитета многих представителей российского «третьего сословия». «Самое отношение предпринимателя к своему делу, – писал знаток Москвы купеческой П. А. Бурыйшкин (1887–1955), – было несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность смотрели не только, или не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою. Про богатство говорили, что Бог его дал в пользование и потребует по нему отчета, что выражалось отчасти и в том, что именно в купеческой среде необычайно были развиты и благотворительность, и коллекционерство, на которые смотрели как на выполнение какого-то свыше назначенного дела» [1, с. 120]. Таким образом, тягу русских купцов к благотворительности, в которой они видели проявление христианской жертвенности и любви к ближнему, а значит, и средство «спасения души», «замаливания грехов» – эксплуатации и стяжательства, лишь отчасти можно объяснить нейтральностью хозяйственных достижений по отношению к религиозной самореализации.

Получило распространение суждение, что некая холодность православной церкви к ведению хозяйственной деятельности не разделялась старообрядчеством, якобы даже породившим рациональные установки, аналогичные протестантским.

Эти гипотезы часто подкрепляются тем, что старообрядческие общины действительно были весьма сильными и рациональными хозяйственными организациями, и выходцы из них составляли элиту российского дореволюционного предпринимательства – достаточно вспомнить купеческие династии Гучковых, Кокоревых, Морозовых, Рябушинских и др. Причины большого трудолюбия и высокой предпринимательской активности старообрядцев можно отчасти усмотреть в том, что религиозный раскол, изоляция и самоизоляция староверов от общества произошли в такой момент, когда в народе были сильны ожидания близкого пришествия «Антихриста и конца Света». У гонимых раскольников напряженность этих ожиданий была особенно высокой и порождала стремление выделиться из общей массы благочестием, твердостью нравственных принципов, безупречным следованием заповедям и традициям. В этом стремлении к нравственному превосходству над

большинством также кроется одна из причин трудолюбия и предприимчивости старообрядцев. Тем самым социальной и политической причиной высокой хозяйственной активности старообрядцев явились дискриминация и гонения со стороны государства.

Когда сейчас говорят об этических традициях российского предпринимательства, часто имеют в виду свойственную ему традицию благотворительности и меценатства. Многие купцы, промышленники, рядовые торговцы, ремесленники посада, движимые религиозным чувством, вкладывали средства в строительство и украшение храмов, поощряя и поддерживая тем самым творчество замечательных мастеров. В конце XVI и в начале XVII в. Строгановы покровительствовали творчеству наиболее искусных иконописцев, стремящихся к особому изяществу живописи, заказывая и приобретая их произведения для своих «горниц». В 1802 г. в Москве была открыта Голицынская больница. Строилась она на средства, которые завещал князь Д. М. Голицын «на устройство в столичном городе Москве учреждения Богу угодного и людям полезного». Третьяковы являются основателями Третьяковской галереи, которая началась с их личных коллекций картин. Известный коллекционер А. А. Бахрушин основал Московский литературно-театральный музей. Собрание картин московского купца С. И. Щукина положило начало коллекциям французской модернистской живописи в Эрмитаже и Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Если объяснять побудительные причины меценатства, то в большинстве случаев действовали как эгоистические (стремление получить социальные и налоговые льготы, чтобы тем самым улучшить свое материальное положение), так и альтруистические (религиозные, национально-патриотические и культурно-эстетические) мотивы одновременно. Однако искреннее служение народу в форме благотворительности не снимало остроту социальных противоречий, вызванных бурным развитием капитализма.

В отличие от западного мира, в России предпринимательство не заняло важного места в системе ценностей основной массы населения. Практически всегда новые направления промышленного производства возникали «по высочайшему повелению», посредством своеобразной «революции сверху». Предпринимавшиеся до сих пор попытки модернизации – при Петре I, Александре II, П. Столыпине – осуществлялись во имя «великой России», во имя того, чтобы она заняла достойное место в мире. Европейские же страны последовательным, эволюционным путем «взрастили» свои

мануфактуры и фабрики на цеховых традициях. Добавим, что собственные интересы торгово-промышленных сословий зачастую оказывались на втором плане, хотя они могли заявить о своих нуждах, участвуя в земских соборах, различных комиссиях, подавая челобитные и прошения. Однако в дореформенной России предприниматели не составили единой политической силы, поэтому они не могли в полной мере выражать свои общие потребности. В устремлениях крупных купцов, владельцев заводов дворян-предпринимателей, купцов-предпринимателей и торговых крестьян причудливо сочетались интересы более свободного развития торговли и промышленности (протест против монополий, откупов, привилегий для узкой группы дельцов, протекционизма) и узкие сословные притязания.

Исследователи истории российского предпринимательства пришли к выводу, что лишь в начале XX в. отдельные предприниматели, главным образом, представители молодого поколения, начали отказываться от меценатства и благотворительности в пользу непосредственной социальной защиты своих рабочих.

Делалось это прежде всего, из осознания потребности рачительного хозяина в дисциплинированной, квалифицированной и социально благополучной рабочей силе. Подлинная социальная ответственность предпринимателей состоит в такой организации дела, которая обеспечивала бы трудящимся устойчивое имущественное положение, социальную защиту, возможности для образования и духовного роста.

Революционные события 1905–1907 гг. показали, что система социально-трудовых отношений с рабочими требует серьезного пересмотра. Либеральные предприниматели пытались высвободить рабочих из-под влияния леворадикальных партий, признавая право пролетариата на экономические и политические стачки, но одновременно выступая против насильственных методов разрешения социальных конфликтов. Одним из достаточно сильных противовесов в реальных тенденциях, постепенно набиравших силу в рамках капитализма, могла стать уже опробованное ккапиталистической промышленной системой широкое участие рабочих в управлении фабрикой. Собственно, эту же идею подсказывали и модели синдикального социализма, который предлагал передачу общественного производства в руки отдельных организованных профессиональных рабочих групп, синдикатов рабочих [6, с. 94]. Так начинался новый этап формирования в России зрелого и социально ответственного класса предпринимателей. Однако этот процесс был прерван революционными событиями 1917 г., которые повлекли за собой социально-

политическую изоляцию буржуазии и обусловили историческое поражение частнопредпринимательского слоя в России.

Новый этап развития экономики в постсоветское время породил новые социальные и культурные реалии. Привнесение, зачастую совершенно избыточное и бездумное, западных социальных стандартов и элементов массовой культуры породило изменение в этике хозяйственных взаимоотношений, привнеся в нее значительную долю протестантского мировоззрения.

Современная рыночная конкуренция ставит человека перед выбором: деньги и успех или нравственность и порядочность. В основании дилеммы лежат убеждения исключительно материалистического, индивидуалистического, а значит, и потребительски ориентированного мышления. Общество потребления, которое сейчас активно и сознательно насаждается в России вместе с иными «общечеловеческими ценностями» формируется на уровне непререкаемых истин фундаментом которых является чуждый менталитет и исторический опыт, который и рождает такие «общеизвестные» фразы – «Если ты умный то почему не богатый?»

В российском социуме прочно утвердилось осознание деструктивности существующих ныне норм предпринимательского поведения, таких как ориентации на сиюминутную выгоду, отрицание экологических последствий потребительского отношения к природе, восприятие «ближнего своего» как «врага, чужого».

Разумеется, в настоящее время есть отдельные примеры проявления предпринимательской этики в ходе реализации различных благотворительных акций. Масштаб их оценить пока сложно, но невооруженным взглядом заметно основное отличие этих мероприятий от жизненных устоев российских меценатов прошлого столетия: благотворительность сегодня – это, в основном, «имидживые проекты».

Отличительной особенностью современной российской деловой культуры являются большая роль межличностных отношений между деловыми партнерами и ориентация бизнесменов на интуитивные стратегии [7, с. 109]. По мнению западных коллег по бизнесу, эти качества рассматриваются как «незрелые», иррациональные. Однако такая нерациональная предпринимательская деятельность выполняется на достаточно высоком, иногда даже мировом уровне. Высказывания современных российских предпринимателей указывают на существование определенного фактора внешнего принуждения – выгоды следования этическим принципам в бизнесе.

Лидеры российского бизнеса часто склонны рассматривать соблюдение моральных норм как своеобразный гарант своего успешного существования в бизнесе и гарант собственной жизни. Ушли в прошлое и стали легендой деловые отношения русского купечества, когда миллионные сделки заключались лишь кивком головы, когда слово было дороже золота, и гарантом этого слова была жизнь.

Отсюда вытекает отношение к богатству и богатым людям у большинства жителей России. Незаконное обогащение осуждается везде, однако и честно заработанное богатство может и приветствоваться, и осуждаться в зависимости от характера экономической ментальности народа. В России, представление о том, что значительный объем собственности всегда связана с незаконной деятельностью, постоянно подкрепляется реальными примерами из повседневной жизни – будь то массовая приватизация государственной собственности или факты запредельной коррупции в чиновничьей среде.

Усугубляет эти убеждения и практика вывоза капитала за рубеж отечественными олигархами, больше похожее на сокрытие награбленного.

Еще в начале XX в. российское купечество и промышленники выработали несколько принципов ведения дел в России: уважение к власти как необходимое условие для ведения дела; честность и правдивость как предпосылка здоровой прибыли и гармоничных отношений в делах; уважение права частной собственности; любовь и уважение к человеку труда; верность своему слову, ибо «Единожды солгавши, кто тебе поверит»; жизнь по средствам; целеустремленность, не переходящая грань дозволенного. Эти принципы вполне актуально звучат и сегодня.

Таким образом, изучение истории российского купечества и промышленного предпринимательства может дать обширный материал для установления новых образцов поведения для российского бизнес-сообщества. Этические нормы, сформировавшиеся и укоренившиеся в деловой жизни в дореволюционный период могут стать отправной точкой для формирования современного этического кодекса российского бизнес-сообщества.

Литература

1. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М.: РОССПЭН, 1997. – 344 с.

2. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. – Париж : YMCA-Press, 1939. – 224 с.
3. Бердяев Н. А. Царство Духа и Царство Кесаря. – М. : Республика, 1995. – 382 с.
4. Булгаков. С. Н. Православие. Очерки учения православной церкви. – Париж : YMCA-Press, 1965. – 403 с.
5. Прот. Фома Хопко. Основы православия. – Минск : Полифакт, 1991. – 344 с.
6. Кришталь В. В. М. И. Туган-Барановский: «Центральная власть должна брать на себя лишь то, что не под силу муниципалитету» // Экон. возрождение России. – 2005. – № 2. – С. 91–95.
7. Чирикова А. Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. – М. : Ин-т социологии РАН, 1997. – 201 с.
8. Ахмедов А.Э., Смольянинова И.В. Проблемы повышения качества современного управления в условиях нестабильности внешней среды // Устойчивое развитие науки и образования. – 2016. – № 1. – С. 10-14.
9. Болтаевский А.А., Прядко И.П. К вопросу об истоках методологии социального познания Альфреда Шюца // Философская мысль. – 2015. – № 1. – С. 1-8.
10. Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения православной церкви. – М., 1991. – С. 187.
11. Буньковский Д.В. Импортзамещение в Российской экономике: перспективы развития отечественных производств продовольствия // Вопросы управления. – 2016. – № 3 (21). – С. 53-60.
12. Власенко Л.В., Иванова И.А. Влияние ценностных ориентаций студенческой молодежи на развитие предпринимательской культуры и формирование социально ответственного поведения в инновационно ориентированной экономике // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 2-2 (67-2). – С. 710-714.
13. Войнов Д.А. Экономические интересы Западной Европы и России: опыт конкурентного противостояния Ганзы и Новгорода // Век качества. – 2015. – № 3.
14. Суровнева А.А. Российский патриотизм как фактор профилактики экстремизма в молодежной среде // Сборник научных работ студентов. Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова. Краснодарский филиал. – Краснодар, 2016. – С. 298-303.

15. Суровнева А.А. Современная молодежная культура как основа для создания рекламы // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. Краснодар, 2017. Т. 1. № 1-1. С. 297-306.
16. Куракова Т.В., Куракова С.В., Ткаченко А.В. Применение трудового и гражданско-правового договора в практике современных российских организаций // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2017. – № 6. – С. 147-156
17. Кирий Е.В. Развитие способности к рефлексии на занятиях по физической культуре в вузе // Образование: традиции и инновации. Материалы XV международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Н.В. Уварина. – Прага, 2017. – С. 99-101.
18. Андрос И. А. Особенности становления предпринимательской активности в дореволюционной России: историко-социологический анализ // Социологический альманах. – 2015. – №6. – С.450-456.
19. Кирий Е.В. Применение интерактивных методов обучения на учебной дисциплине «Физическая культура» // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2017. – № 1 (25). – С. 92-93.
20. Дружинин А. М. Предпринимательская этика в условиях экономического кризиса: коммуникативный подход // Век качества. – 2016. – №4. – С.165-185.
21. Кирий Е.В. О стабилизации личностной идентичности (средствами физической культуры) // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2017. – № 6. – С. 119-125.
22. Куракова Т.В., Куракова С.В., Ткаченко А.В. Применение трудового и гражданского договора в практике современных российских организаций // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2017. – № 6. – С. 147-156.
23. Найденко Е.А., Куракова Т.В. Ненасилие: актуальность проблемы в современном мире // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8-1 (46). – С. 120-123.
24. Куракова Т.В. Проблема сосуществования общероссийской и северокавказской этноидентичностей // Экономика, социология, философия, право: пути созидания и

- развития Материалы международной научно-практической конференции: в 4 частях. Ответственный редактор: В. И. Долгий. – Саратов, 2010. – С. 178-180.
25. Куракова Т.В. Принцип Толерантности как условие позитивной идентичности // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность межвузовский сборник научных трудов. – Краснодар, 2006. – С. 115-119.
26. Куракова Т.В. Пограничные культуры как источник культурного многообразия и социальной конфликтности // Глобализация и социальные изменения в современной России Доклады Всероссийского социологического конгресса в 16 томах. – М., 2006. – С. 36-38.
27. Голотова М.А., Дудченко А.В. Реформы образования: пути и перспективы // Закон и право. – 2017. – № 8. – С. 22-24.
28. Дудченко А.В. Гражданское право России: актуальные проблемы теории и практики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 2. – С. 54-56.
29. Куракова С.В. Необходимость и меры поддержки малого предпринимательства в сельском хозяйстве // Сборник научных статей факультета экономики, управления и бизнеса Кубанский государственный технологический университет. – Краснодар, 2016. – С. 94-95.